

**ТАЛАССОАТТРАКТИВНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭКСПЛИКАЦИЯ**

А. Г. Дружинин^{1, 2}

Талассоаттрактивность населения рассматривается как универсальный (хотя и не повсеместный) пролонгированный общественно-географический феномен, связанный с эволюцией пространственной архитектуры страны, регионов с неустойчивой «балансирующей» социально-экономических потенциалов ведущих городов, с хозяйственной и селитебной проекциями глобальных геоэкологических, геоэкономических и геополитических процессов, с масштабом и эффектами транснациональных, трансграничных контактов, с меняющимися образами тех или иных приморских территорий. Проанализирован присущий России многовековой тренд «перетока» демографического потенциала из «внутриконтинентальных» районов на приморские окраины страны. На обширном эмпирико-статистическом материале показано, что в постсоветский период талассоаттрактивность стала в еще большей мере урбоцентрированной, обрела выраженную региональную и локальную избирательность, фокусируясь на городских агломерациях балтийского, каспийского и отчасти азово-черноморского побережий. Акцентированы (и проиллюстрированы примерами по Российской Федерации) полимасштабные проявления «инверсии талассоаттрактивности» и «квазиаттрактивности» приморских зон. Охарактеризованы факторы и оценены перспективы дальнейшего «притяжения» населения к приморским зонам страны (включая побережья Калининградской области, а также Ленинградской области и Санкт-Петербурга). Показано, что на фоне возросших (в том числе и в контексте смены геостратегического вектора России) социально-экономических рисков приморские зоны продолжают сохранять ключевое положение в обретающей видоизмененную конфигурацию селитебной системе России.

---

¹ Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105.

² Балтийский федеральный
университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 09.01.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-2

© Дружинин А. Г., 2017

Ключевые слова: приморские города, изменение численности населения, морехозяйственный комплекс, трансграничные взаимодействия, Россия

Введение

Представления о существенности влияния «морского фактора» на хозяйственную и селитебную системы человечества, об устойчивом и масштабном «притяжении» населения к морским побережьям, или, иначе, его **талассоаттрактивности** (в англоязычной литературе прева­лирует аналог данного понятия — *coastalization* [1; 2]), как одной из основополагающих составляющих территориальной организации общества являются традиционными и в целом ныне доминирующими. Они базируются не только на текущей общественно-географической аналитике (многочисленных констатациях преимущественной концен­трации населения на приморских территориях как в общепланетарном масштабе [3—5], так и в страновом, региональном форматах [6; 7]), но и на видении исторической «череды» талассократий («морских цивили­заций», по Л. И. Мечникову [8]), на осмыслении многовековой эконо­мической практики (согласно Ф. Броделю, море неизменно «означало богатство» [9, с. 355]). Их результирующей выступают идеологемы о влиянии «морской силы» на историю [10], существенности различий между приморскими и «внутриконтинентальными» территориями [11], роли океанического обмена в экономическом развитии [12] и др.

Оказываясь созвучной геополитическим и геоэкономическим инте­ресам «приморских», «океанических» государств в получении различ­ных выгод и преимуществ от своего позиционирования, функционала, статуса, характера вовлеченности (во многом обеспечиваемой морскими коммуникациями [13]) в мирохозяйственные обмены, талассоат­трактивность (как вектор, процесс, структурированное состояние и со­ответствующая им идея) все более обретает черты устойчивого образа, имманентной составляющей современной географической картины ми­ра. С конца 1960-х — начала 1970-х годов (на фоне активнейшего в тот период развития на побережьях СССР портовой инфраструктуры, при­морских рекреационных систем, установления фактически «глобально­го присутствия» нашей страны в Мировом океане) представления о та­лассоаттрактивности (в том числе и с акцентом непосредственно на геодемографическую сферу [14—18]) укореняются, культивируются в отечественной науке. Ныне, на фоне наметившейся с начала 2000-х го­дов устойчивой позитивной динамики портово-логистических ком­плексов, приморских городов и их агломераций, вновь полномасштаб­но воссоздаются условия для активизации соответствующего дискурса [19]. Цель данной статьи — общественно-географическая экспликация феномена талассоаттрактивности в России, выявление современных (характерных для постсоветского периода) масштабов, векторов и фак­торов «притяжения» населения к морским побережьям, оценка пер­спектив исследуемого явления в меняющемся евразийском и глобаль­ном контексте.

Талассоаттрактивность в «континентальной» России: многовековой тренд

История нашей страны, в существенно большей мере идентифицируемой как «континентальная», нежели «приморская» («континент в себе», по П. Н. Савицкому [12], «океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовет и манит», по И. А. Ильину [20, с. 7]), — это во многом история «приращения» и последующего освоения (в том числе и «реосвоения» российским государством и русской культурой) ее морских побережий. Процесс этот — пролонгированный, растянувшийся практически на четыре столетия (с периода основания города Архангельска и вплоть до заселения территорий Калининградской и Южно-Сахалинской областей, образованных уже по итогам Второй Мировой войны). Основу талассоаттрактивности при этом в значительной мере составлял центробежный тренд (из «месторазвития», «исконных» внутренних регионов на окраины расширяющей свои рубежи страны). Симптоматично в этой связи видение русской колонизации как «стремления к морю» [21]. Инкорпорируемые в Российскую империю (по мере расширения ее границ) все более разнообразные по своим географическим характеристикам побережья оказывались во многих ситуациях не только ресурсно ценной «контактно-барьерной» территорией, но и предельным рубежом устойчиво расширявшегося российского геополитического и геокультурного фронта. Некоторые из них обрели «столично-пристоличные» позиционные характеристики (Санкт-Петербург и его окрестности) либо сконцентрировали значимые транспортно-логистические функции (Одесса, Ростов-на-Дону, Таганрог и др.); иные (Архангельск, а затем и Владивосток, Мурманск) становились опорными базами дальнейшего освоения периферийных (в том числе приморских) территорий.

«Вовлечение» побережий в российское хозяйственное и селитебное пространство, реализация их морехозяйственного потенциала коррелировали с формированием и развитием приморской поселенческой сети. Талассоаттрактивность центробежной колонизационной динамики в связи с этим дополнялась возрастающей демографической притягательностью приморских урбанистических центров. По данным первой всеобщей переписи населения (1897), из 56 городов России, превысивших порог в 50 тыс. жителей, 13 являлись приморскими либо примыкали к устьевым участкам крупных судоходных рек, что само по себе иллюстрирует наметившийся уже к концу XIX века ощутимый сдвиг системы расселения страны в пользу приморских территорий.

В советский период, несмотря на первоначальное превалирование тренда «континентализации» [22; 23], талассоаттрактивность сохранила свое действие, одновременно обретая новые импульсы, векторы, формы. Индустриализация (в том числе и напрямую связанная с морехо-

зяйственной деятельностью) превратила ведущие приморские города в регионально значимые фокусы урбцентрированной миграции, предопределив тем самым их ощутимый рост (табл. 1).

Таблица 1

**Численность населения некоторых ведущих приморских городов России
(в динамике), тыс. чел.***

Город	1897	1959	1989	2016
Санкт-Петербург (Ленинград)	1264	3321	4678	5207
Ростов-на-Дону	148**	600	1019	1115
Махачкала (Петровск)	9,7	123	318	710
Владивосток	29	299	634	607
Астрахань	113	296	509	532
Сочи	14	187	337	468
Калининград (Кёнигсберг)	190***	204	401	453
Севастополь	54	152	393	409
Мурманск	-	222	468	305
Архангельск	21	273	416	358
Новороссийск	17	112	186	267
Петропавловск-Камчатский	0,4	86	269	181

* Составлено автором по данным переписей населения.

** С городом Нахичевань-на-Дону.

*** В состав Российской империи не входил.

Полноформатно проявилась также сезонная, связанная с туристско-рекреационной активностью, талассоаттрактивность морских побережий (только за период 1961—1985 годов на берегах Черного и Балтийского морей было образовано 3 города и 30 поселков городского типа с доминирующей рекреационной специализацией [24]). Активно «продвигалось» население на арктические и тихоокеанские рубежи (уже в 1959 году перепись зафиксировала 66 тыс. жителей в Магадане, 86 — в Петропавловске-Камчатском, 80 — в Северодвинске, 22 — в Нарьян-Маре, 18 — в Дудинке и т. д.; спустя еще три десятилетия в СССР только в приморских городах на побережьях Северного Ледовитого и Тихого океанов постоянно проживало около 3,4 млн человек). Как и в предшествующие исторические периоды, процесс талассоаттрактивности при этом в существенной мере предопределялся общей ритмикой государства, его возможностями, стратегическими векторами развития, служил геополитическим и геоэкономическим интересам «страны-континента», базировался на ее экономических и демографических ресурсах.

Характерно, что в последние советские десятилетия возникла своеобразная «зеркальность» динамики исследуемого процесса в общесо-

юзном и собственно российском масштабе; если в целом по СССР демографический «вес» приморских территорий в целом сокращался (что высветило, в частности, исследование В. В. Покшишевского и Г. М. Фёдорова [17]), то в РСФСР, напротив, за 1959—1989 годы удельный вес 17 приморских регионов (идентифицируемых нами как талассоцентрированные [25], то есть отличающиеся реальным наличием отраслей морехозяйственного комплекса, выраженным смещением к морским акваториям важнейших селитебных и хозяйственных центров) в населении РСФСР возрос с 15,7 до 18,1%, или на 8,3 млн человек. В последующий период (в контексте геополитических и геоэкономических трансформаций) талассоаттрактивность в Российской Федерации вновь продемонстрировала свою рельефность, обретя большую пространственную сфокусированность и инвариантность.

Доминантные факторы и проявления талассоаттрактивности в постсоветской России

В результате распада СССР береговая линия нашей страны сократилась почти на 11 тыс. км; за пределами юрисдикции Российской Федерации оказались 25 из 67 морских портов и 10 из 20 приморских городов с людностью более 250 тыс.; в упадок стало приходить арктическое судоходство (грузооборот по трассам Севморпути за 1990—2000 годы сократился с 7 до 1,5 млн тонн [26]). Частично «отодвинутая» от моря (наиболее освоенных и комфортных в природно-климатическом отношении побережий), испытывающая трансформационный кризис во всех основных компонентах «морской экономики» [19] и одновременно все активнее вовлекаемая в международное разделение труда, Россия сфокусировалась на обустройстве немногочисленных приморских транспортно-логистических коридоров (прежде всего, обеспечивающих европейское и в целом «западное» направление трансакваториальных контактов). Процесс этот корреспондировал со «сжеживающей концентрацией» [27] хозяйственного и демографического потенциалов, с социально-экономическим «опустыниванием» периферийных территорий страны [28], лишая подавляющую часть сегментов побережья былой привлекательности для населения. Существенная коррекция векторов талассоаттрактивности (еще в большей степени *урбоцентрированной*, обретшей выраженную *региональную и локальную избирательность*) в постсоветский период связана и с проявившейся практически повсеместно (за исключением Дагестана) естественной убылью населения.

Демографический спад (достигший своего «дна» к началу 2000-х) уже к середине 1990-х годов охватил подавляющую часть приморских регионов России (за исключением Ленинградской, Калининградской и Астраханской областей, Дагестана, а также Краснодарского края) (табл. 2).

Таблица 2

**Естественный (ЕП) и миграционный (МП) прирост (убыль) населения
в талассоцентрированных приморских регионах России, %***

Регион	1990		1995		2005		2014	
	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП
Санкт-Петербург	-14	12	-89	13	-72	128	13	102
Ленинградская область	-15	57	-110	121	-123	146	-54	120
Калининградская область	29	71	-50	113	-92	33	-7	67
Архангельская область	37	-22	-59	-31	-66	-73	-9	-68
Ненецкий АО	97	-111	7	-251	23	-21	79	1
Мурманская область	55	-22	-33	-146	-38	-169	3	-65
Краснодарский край	-1	81	-53	133	-54	70	6	84
Астраханская область	46	6	-34	79	-33	-6	23	24
Ростовская область	0,0	49	-66	58	-67	21	-20	12
Республика Дагестан	200	-25	144	73	95	55	136	-47
Камчатский край	62	2	-21	-276	-15	-199	17	-98
Приморский край	56	26	-37	-42	-58	-51	-6	-20
Магаданская область	81	-173	-26	-742	-26	-180	3	-153
Сахалинская область	60	1	-81	-301	-61	-104	6	-59
Чукотский АО	104	-230	12	-916	38	73	28	-30
Россия в целом	22	11	-57	34	-59	20	2	19

* Составлено по данным Росстата.

Тенденция сокращения численности населения проявилась и во всех ведущих приморских городах, включая Санкт-Петербург (население незначительно сокращалось с 1992 по 2008 год), Ростов-на-Дону (депопуляция здесь превалировала с 1992 по 2001 год), Владивосток (неблагоприятный демографический тренд имел место с 1993 по 2009 год), Архангельск (с 1992 по 2007 год), Сочи (2000—2007 годы) и др. В целом же в период между переписями 1989 и 2002 годов из 74 локализованных на побережье Российской Федерации (либо в устьях крупных судоходных рек) городов депопуляция наблюдалась в 50. И лишь в 24 зафиксирован демографический рост (суммарно на 455 тыс. человек), 32 % которого «обеспечила» Махачкала, 13 % — Сочи, 11 % — Ростов-на-Дону, 10 % — Новороссийск и 6 % — Калининград.

Ко второй половине 2000-х годов тенденция естественной убыли населения страны постепенно сходит на нет; нарастают центростремительные миграционные потоки, продуцируемые возросшими социально-экономическими градиентами между ведущими городами-метрополиями и периферийными территориями [29], заметен восстановительный тренд и в «морской составляющей» экономики. В существенно из-

менившемся общественно-географическом контексте приморские города во все возрастающей мере продемонстрировали позитивную (отличную по вектору от городов России в целом) динамику; за 2002—2010 годы демографическую массу нарастили 28 приморских урбанистических центров. Характерно при этом, что в суммарный прирост (541 тыс. человек) наибольший вклад внесли Махачкала с городами-спутниками (36%), а также Санкт-Петербург (35%).

В дальнейшем процесс постепенного перетока населения в немногие города продолжился; возросло и число приморских поселений с положительной демографической динамикой. В 2016 году в сопоставлении с 2010-м людность увеличилась в 41 городе (на 49% за счет концентрации населения в ведущем приморском центре России — Санкт-Петербурге), включая практически все столицы субъектов РФ (кроме Мурманска и Магадана, где темпы депопуляции, впрочем, существенно замедлились). В последние два года зримый демографический «разворот» продемонстрировали и города крымского побережья (кроме Алушты).

В итоге за 1989—2016 годы суммарная численность населения приморских городов России возросла на 6,2%, или на 794 тыс. человек, достигнув величины почти в 13,7 млн, что эквивалентно 95% демографического потенциала всех приморских муниципалитетов и 12,6% всего городского населения страны (в 1989 году аналогичный показатель составлял 11,76%). Подобный выраженный «сдвиг к морю» оказался сопряжен, прежде всего, с процессом пространственной *концентрации* населения, его последовательного перераспределения в пользу крупнейших городов. Так, если в 1989 году в приморских городах с людностью более 500 тыс. проживало 55,5% всего населения приморских городов Российской Федерации, то в 2016-м — 59,7%. И напротив, доля городских поселений людностью до 50 тыс. сократилась с 11,4 до 8,0%. Аналитика свидетельствует о неуклонном перераспределении населения в пользу поселений, наделенных «столичным» статусом (центров субъектов Федерации либо городов федерального значения), за исследуемый период нарастивших свою долю в демографическом потенциале приморских городов с 73,6 до 75,0%.

На фоне «стягивания» населения в крупнейшие приморские города наблюдался и общий трендовый *переток демографического потенциала в пользу балтийского и каспийского побережья*: доля Балтийской приморской макрзоны в населении приморских городов России за 1989—2016 годы возросла на 2 процентных пункта, Каспийской — на 3,5, при одновременном сокращении аналогичного показателя для городских поселений арктических побережий на 3,2 и приморских городов Тихоокеанской макрзоны на 2,9 процентных пункта. Талассоаттрактивность в итоге оказалась полностью созвучной магистральным постсоветским «сдвигам» в территориальной организации общества, геоэкономическим ориентирам страны.

Инверсии талассоаттрактивности и «квазиаттрактивность» морских побережий

Талассоаттрактивность универсальна, но в своих фактических проявлениях — не повсеместна. Во множестве конкретных геоситуаций под воздействием комплекса природных и общественно-географических факторов приморские территории способны изначально не проявлять (либо с течением времени утрачивать) свою потенциальную социально-экономическую и демографическую притягательность, порождая противоположные по своей направленности эффекты, идентифицируемые как counter-coastalization [30], «инверсия талассоаттрактивности» [31].

Применительно к такому явлению, как талассоаттрактивность, понятие ее инверсии, являясь инвариантным, дополняющим, призвано вместить в себя любого рода сложившиеся диспропорции в хозяйственном и селитебном освоении территории в пользу ее внутриконтинентальных, удаленных от моря ареалов, преимущественное отторжение теми или иными участками побережья миграционных потоков, ощутимый исход населения из приморских зон. Специфика России при этом такова, что процесс талассоаттрактивности неизменно протекает на фоне его полимасштабных инверсий.

Почти 36,8 из 41 тыс. км морских границ Российской Федерации простираются вдоль ее арктического и тихоокеанского побережий, освоение которых изначально имело (как это справедливо акцентировал А. Н. Пилясов [32]) прерывистый, «островной» характер. Эти приморские территории, существенно удаленные от основной полосы расселения страны (от 500 км в Европейской части, 1000 — на Урале, до 2000 и более — в Сибири), в постсоветский период лишились былой государственной поддержки и фактически оказались в положении *полипериферии* (выраженной зависимости и неравенства обменов по отношению не только к собственным региональным «столицам», но и к Мурманску, Архангельску — центрам арктического судоходства, к общегосударственной метрополии, а также зарубежным бенефициарам). В результате за истекшую четверть века из 34 городских поселений арктического и тихоокеанского побережий России (от Мурманска до Владивостока) позитивную демографическую динамику продемонстрировали лишь 4 (Южно-Сахалинск, Нарьян-Мар, Салехард и Артём). Общие же демографические потери для приморских городов Арктической зоны и российского Дальнего Востока за постсоветский период составили почти 600 тыс. человек, что превышает весь прирост населения Санкт-Петербурга за аналогичный период и эквивалентно людности главного города Российской Федерации на Тихом океане — Владивостока.

Следует, справедливости ради, отметить, что эффекты талассоаттрактивности рельефно просматриваются даже на фоне столь внуши-

тельного и пролонгированного оттока населения от побережий: в целом и поныне сокращающийся демографический потенциал Севера и Северо-Востока России продолжает отчасти удерживаться приморскими городами, выполняющими функции стабилизатора системы расселения, ее опорного каркаса. Показательно, что если для всех приморских субъектов Тихоокеанской России (крупнейшего в стране акваториального макрорегиона [33]) численность населения к 2016 году составила лишь 71 % от уровня 1989-го, то для соответствующего кластера приморских городов — 85,5 %.

Инверсия талассоаттрактивности имеет место и на мезоуровне. В частности, в Крыму резкое сокращение плотности населения и числа населенных пунктов наблюдается при приближении к заливу Сиваш [34]. Аналогичная ситуация сложилась и на юге Финского залива (западнее атомграда Сосновый Бор), где десятилетиями воспроизводилась асимметрия в уровне освоенности побережья и территорий вдоль осевой автомагистрали Санкт-Петербург — Нарва [35]. Лишь в последнее десятилетие в связи с развитием морского порта в Усть-Луге эта инверсия начинает исчезать.

В постсоветский период инверсии талассоаттрактивности в существенной мере связаны с возросшими центр-периферийными градиентами, порождающими в первую очередь преимущественную концентрацию населения в Московском регионе. Так, только за 2014 год суммарный миграционный прирост в Москве и Московской области составил 201 тыс. человек, в то время как в Санкт-Петербурге с Ленинградской областью — лишь 74 тыс.; при этом соотношение миграционного прироста в Московском регионе и, к примеру, приморских городах Кубани составляет 10:1.

Ставшая еще более рельефной в современных политико-экономических реалиях, *неравновесная бицентричность* территориальной организации российского общества (с перманентным, начиная с XVIII столетия попеременным перераспределением веса между Москвой и Санкт-Петербургом) выступает ныне основной (в общероссийском масштабе) детерминантой талассоаттрактивности и ее инверсии. Важно при этом осознавать, что «притягивается» население не столько к побережью, сколько в локализованные на нем поселения, обретающие аттрактивность благодаря своему функционалу, размеру, статусу, позиционированию в селитебной и хозяйственной иерархии, выстраиваемой на обширных (и отнюдь не только «приморских») пространствах. Такие центры, как Санкт-Петербург и Ростов-на-Дону, — это фактически «вынесенные к морю» общефедеральные и макрорегиональные столицы, опережающий рост их демографического потенциала в этой связи лишь отчасти связан с морским фактором. Схожая (хотя и не столь выраженная) ситуация наблюдается в Архангельске и Владивостоке — городах, также «замыкающих» на себе массивы в том числе и внутриконтинентальных пространств. Талассоаттрактивность населения в свя-

зи с этим частично являет «квазихарактер»; она не только воплощает «континентально-океаническую дихотомию» [36], но и выражается в неразрывном единстве с процессами метрополизации. Чем крупнее приморские города и весомее их статус, тем в большей мере они «приморско-континентальные».

Приставка «квази» в определенной мере уместна и для характеристики ситуации на каспийском побережье Дагестана (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности населения приморских городов России*

Город	1989	2002	2002/1989, %	2010	2010/2002, %	2016	2016/2010, %	2016/1989, %
Все приморские города России**	12891,4	12658,2	98,2	13006,4	102,8	13685,4	105,2	106,2
В том числе:								
Санкт-Петербург	4677,5	4661,2	99,7	4848,7	104,0	5207,0	107,4	111,3
Города арктического и тихоокеанского побережий	3364,1	2800,7	83,3	2742,5	97,2	2743,3	100,1	81,5
Города побережья Дагестана	484,1	680,5	140,6	858,2	126,1	995,5	116,0	205,6
Россия (все городское население)**	109638	108050	98,6	106661	98,7	108600	102,0	99,1

* Рассчитано автором на основе данных переписей населения и сведений текущего статистического учета.

** Данные по России за все годы включают показатели Крыма.

За последнюю четверть века демографический потенциал Махачкалинской агломерации более чем удвоился. На фоне слабо меняющейся степени урбанизированности территории (удельный вес горожан за 1990—2016 годы вырос всего на 1,4 процентных пункта) само городское население Республики ощутимо «сдвинулось к морю» (доля приморских городов в городском населении региона за двадцатипятилетний период увеличилось с 60 до 73 %). В то же время рост городского населения все последние годы практически наполовину обеспечивался его естественной динамикой, а во «взрывном» росте Махачкалы (немногим более столетия назад в этом поселении проживало всего 9,7 тыс. жителей) роль фактора моря не является доминирующей (морская составляющая в ВРП Республики Дагестан не превышает 2 % [37]). Развитие Махачкалинской агломерации окажется в числе ключевых факторов талассоаттрактивности населения России и в средне- и долгосрочной перспективе.

Заключение

Уже в ближайший период (по «низкому» варианту прогноза Федеральной службы государственной статистики — с 2019 года, по «среднему» — с 2024 года) в Российской Федерации вновь возобновится тренд депопуляции. Процесс этот затронет практически все приморские поселения и хронологически совпадет с повсеместным, связанным с технико-технологическими изменениями, «сжатием» рынка труда, в особой мере резким и ощутимым — в Арктической зоне. Ее освоение уже сейчас предполагается осуществлять преимущественно на основе вахтового метода с опорой на так называемые безлюдные технологии, что предполагает дальнейшее угасание сложившейся системы расселения [38]. На этом фоне продолжится концентрация человеческого капитала, инфраструктуры, ресурсов будущего в крупнейших городских агломерациях [39], включая, разумеется, приморские.

Позитивная демографическая динамика в них будет поддерживаться не только архиважным для страны возрождением морехозяйственного комплекса, но и нарастающей (по мере углубления экономических и демографических градиентов с сопредельными «центрами силы») привлекательностью основных «коммуникационных коридоров» (Санкт-Петербург, Новороссийск, Владивосток, Ростов-на-Дону, Калининград). Существенным фактором талассоаттрактивности станет и общая комфортность (природно-климатическая, инфраструктурная, ландшафтно-архитектурная) среды проживания, дополняемая потенциалом самозанятости (в туристско-рекреационной, аграрной сферах, «челночной» торговле). Это обеспечит приоритетный приток населения на черноморское побережье Кубани (в треугольник Краснодар — Тамань — Сочи), в Ростовскую и Владивостокскую агломерации, города Крыма, приморские территории Калининградской области. По-прежнему «приморское» население будет прирастать на Каспии («евразийском средиземноморье», чьи экономические возможности еще только предстоит реализовать).

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий европейской России»).

Список литературы

1. Kasanko M., Barredo J.I., Lavalle C. et al. Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas // *Landscape and Urban Planning*. 2006. Vol. 77, № 1—2. P. 111—130.
2. Salvati L. Looking at the future of the mediterranean urban regions: demographic trends and socioeconomic implications // *Romanian journal of regional science*. 2014. Vol. 8, № 2. P. 74—83.
3. Pak A., Majd F. Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // *Ocean and Coastal Management*. 2011. № 54. P. 129—136.

4. *Cohen J. E., Small Ch., Mellinger A. et al.* Mooney Estimates of Coastal Populations // *Science. New Series.* 1997. Vol. 278, № 5341. P. 1211—1212.
5. *Vallega A.* Agenda 21 of ocean geography // *Geography, oceans and coasts towards sustainable development* / eds. A. Vallega [et al.]. Milano, 1998. P. 17—116.
6. *Berardo C.* Spatial dynamics of Mediterranean coastal regions // *Journal of Coastal Conservation.* 1999. Vol. 5, № 2. P. 105—112.
7. *Махновский Д. Е.* Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков // *Балтийский регион.* 2014. № 4. С. 59—78.
8. *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
9. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 2006. Т. 2 : Игры обмена.
10. *Mahan A. T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660—1783. N. Y., 1987.
11. *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history // *The Geographical Journal.* 1904. Vol. 23, № 4. P. 421—437.
12. *Савицкий П. Н.* Континент-Океан (Россия и мировой рынок) // *Континент-Евразия.* М., 1997. С. 398—418.
13. *Cowen D.* Neil Smith after Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics // *Antipode.* 2009. Vol. 41, № 1. P. 22—48.
14. *Покишиевский В. В.* Теоретические аспекты притяжения расселения к морским побережьям и опыт количественной оценки этого притяжения // *Известия ВГО.* 1975. Т. 107, № 1. С. 87—96.
15. *Покишиевский В. В.* География расселения на берегах Мирового океана. Л., 1979.
16. *Дергачёв В. А.* Основы экономического районирования Мирового океана. Киев, 1980.
17. *Покишиевский В. В., Федоров Г. М.* Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана // *География океана: теория, практика, проблемы.* Л., 1988. С. 148—161.
18. *Дружинин А. Г., Дружинина С. С.* Экономико-географические аспекты исследований приморского расселения (по материалам Ростовской области) // *Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения.* Л., 1989. С. 133—141.
19. *Дружинин А. Г.* «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // *Известия РАН. Серия географическая.* 2016. № 6. С. 10—19.
20. *Ильин И. А.* О России. Три речи. 1926—1933. София, 1934.
21. *Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.
22. *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. М. ; Л., 1930.
23. *Добрецов Н. Л., Конторович А. Э., Кулешов В. В. и др.* Стратегия социально-экономического развития Сибири: научные основы и начало реализации // *Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации.* М., 2004. С. 479—592.
24. *Дергачёв В. А.* Морехозяйственный комплекс Азово-Черноморского региона СССР: экономико-географические аспекты // *Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения.* Л., 1989. С. 39—50.
25. *Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели* / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов н/Д, 2016.
26. *Романенко А. А.* Морские порты, транспортный флот и судостроение России // *Морехозяйственный комплекс России.* СПб., 2005. С. 24—70.
27. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., 2009.

28. *Пространство* современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М., 2012.
29. Дружинин А. Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 1. С. 19—27.
30. *Famoso N.* Sicily: a dialectic between coastal and inland areas // *Urban change and the environment. The case of North-western Mediterranean* / ed. G. Cortesi. Guerini ; Milano, 1995. P. 269—294.
31. Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 85—100.
32. *Пилясов А. Н.* Города-базы Арктического фронта // Вопросы географии / отв. ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М., 2016. Сб. 141 : Проблемы регионального развития России. С. 503—528.
33. *Тихоокеанская* Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. П. Я. Бакланов. Владивосток, 2012.
34. *Трансграничное* кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экостические эффекты : монография / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов на/Д, 2017.
35. Дружинин А. Г., Лачининский С. С., Краснов А. И., Сорокин И. С. Поляризация системы расселения в приморской зоне Ленинградской области в 1989—2015 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2016. № 3. С. 58—65.
36. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
37. Дружинин А. Г. «Морской фактор» в современной российской экономике (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 16—26.
38. *Стратегия* социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года. URL: http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_169.pdf (дата обращения: 07.01.2017).
39. *Прогноз* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. URL: <http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 07.01.2017).

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет; профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А. Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28—43. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-2.

THE COASTALISATION OF POPULATION IN TODAY'S RUSSIA:
A SOCIO-GEOGRAPHICAL EXPLICATION

A. G. Druzhinin^{1, 2}

¹ Southern Federal University

105 B. Sadovaya ul. Rostov-on-Don, 344006, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on January 09, 2017

The coastalisation of population is considered as a prolonged, universal, although not a ubiquitous — socio-geographical process. This process is a result of the evolving spatial architecture of countries and regions, a lack of balance between the potential of leading cities, economic and settlement projections of global geoecological, geo-economic, and geopolitical processes, the scale and effect of transnational and transboundary contracts, and the changing images of coastal areas. This article analyses the trend towards the 'drift' of the demographic potential from the inland territories to the coastal periphery, which has been observed in Russia for centuries. A vast body of empirical data and statistics is used to demonstrate that, during the post-Soviet period, coastalisation has become city-centred and regionally/locally selective with a focus on the agglomerations of the Baltic, Caspian, and partly Azov-Black Sea coasts. The multi-scale phenomena of 'inverse coastalisation' and 'quasi-coastalisation' are analysed and relevant cases are considered. The author identifies numerous factors and explores prospects of the further coastalisation of population in the Kaliningrad and Leningrad regions and Saint Petersburg. The author argues that against the background of increasing socioeconomic risks — particularly due to the change in Russia's geostrategic priorities — the coastal zones remain crucial to the new configuration of the country's settlement system.

Key words: coastal cities, population change, maritime complex, cross-border contacts, Russia

References

1. Kasanko, M., Barredo, J.I., Lavalle, C., McCormick, N., Demicheli, L., Sagris, V., Brezger, A. 2006, Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas, *Landscape and Urban Planning*, Vol. 77, no. 1—2, p. 111—130.
2. Salvati, L. 2014, Looking at the future of the mediterranean urban regions: demographic trends and socioeconomic implications, *Romanian journal of regional science*, Vol. 8, no. 2, p. 74—83.
3. Pak, A., Majd, F. 2011, Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study, *Ocean and Coastal Management*, no. 54, p. 129—136.
4. Cohen, J.E., Small, Chr., Mellinger, A., Gallup, J., Sachsm J., Vitousek, P.M., Harold, A. 1997, Mooney Estimates of Coastal Populations, *Science*, New Series, Vol. 278, no. 5341, Nov. 14, p. 1211—1212.
5. Vallega, A. 1998, Agenda 21 of ocean geography. In: Vallega, A. et al. (eds.) *Geography, oceans and coasts towards sustainable development*, p. 17—116.
6. Berardo, C. 1999, Spatial dynamics of Mediterranean coastal regions, *Journal of Coastal Conservation*, no. 5, p. 105—112.
7. Makhnovsky, D.E. The Coastal Regions of Europe: Economic Development at the Turn of the 20th Century, 2014, *Balt. Reg.*, Vol 6, no. 4, p. 50—66. DOI: 10.5922/2074-2079-8555-4-4.

8. Mechnikov, L. I. 1995, *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [Civilization and the great historical rivers], Moscow, 461 p. (In Russ.)
9. Brodel, F. 2006, *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv. T. 2. Iгры obmena* [Material civilization, economy and capitalism, XV—XVIII centuries. T. 2. Exchange games.], Moscow, 672 p. (In Russ.)
10. Mahan, A. T. 1890, *The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783*.
11. Mackinder, H. J. 1904, The geographical pivot of history, *The Geographical Journal*, no. 23, p. 421—37.
12. Savitskiy, P. N. 1997, *Kontinent-Okean (Rossiya i mirovoy rynek). Kontinent-Evraziya* [Continent-Ocean (Russian and world market). Eurasia Continent], Moscow, p. 398—418.
13. Cowen, D. 2009, Neil Smith after Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics, *Antipode*, Vol. 41, no. 1, p. 22—48.
14. Pokshishevskiy, V. V. 1975, Theoretical aspects of gravity settling to the sea coast and experience quantify this attraction, *Izvestiya VGO*, Vol. 107, no. 1, p. 87—96. (In Russ.)
15. Pokshishevskiy, V. V. 1979, *Geografiya rasseleniya na beregakh Mirovogo okeana* [Geography of settlement on the shores of the Oceans], Leningrad, 342 p. (In Russ.)
16. Dergachev, V. A. 1980, *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya Mirovogo okeana* [Fundamentals of economic zoning of the Oceans], Kiev, 110 p. (In Russ.)
17. Pokshishevskiy, V. V., Fedorov, G. M. 1988, Basics of geography of population and settlement within the world's oceans. In: *Geografiya okeana: teoriya, praktika, problemy* [Geography of the ocean: theory, practice, problems], Leningrad, p. 148—161. (In Russ.)
18. Druzhinin, A. G., Druzhinina, S. S. 1989, Economic-geographical aspects of coastal settlement studies (based on the Rostov region). In: *Yuzhnye morya SSSR: geograficheskie problemy issledovaniya i osvoeniya* [Southern seas of the USSR: geographical problems of research and development], Leningrad, p. 133—141. (In Russ.)
19. Druzhinin, A. G. 2016, "The sea component of" social geography of Russia: traditions and innovations, *Izvestiya RAS. Seriya geograficheskaya*, p. 10—19. (In Russ.)
20. Ilyin, I. A. 1934, *O Rossii. Tri rechi* [About Russia. Three speech.], 78 p. (In Russ.)
21. Golovnev, A. V. 2015, *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization], Ekaterinbur, 592 p. (In Russ.)
22. Bernshteyn-Kogan, S. V. 1930, *Ocherki geografii transporta* [Transport Geography Essays], Moskva-Leningrad, 348 p. (In Russ.)
23. Dobretsov, N. L., Kontorovich, A. E., Kuleshov, V. V. et al 2004, Strategy of social and economic development of Siberia: scientific foundations and the beginning of implementation. In: *Strategii makroregionov Rossii: metodologicheskie podkhody, priority i puti realizatsii* [Strategies for Russia's Macro-regions: methodological approaches, priorities and ways of implementation], Moscow, p. 479—592. (In Russ.)
24. Dergachev, V. A. 1989, Maritime complex of the Azov-Black Sea region, the Soviet Union: economic and geographical aspects. In: *Yuzhnye morya SSSR: geograficheskie problemy issledovaniya i osvoeniya* [Southern seas of the USSR: geographical problems of research and development], Leningrad, p. 39—50. (In Russ.)
25. Druzhinin, A. G. (ed.) 2016, *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie primorskikh territoriy Evropeyskoy chasti Rossii: faktory, trendy, modeli* [Socio-economic development of coastal areas of the European part of Russia: factors, trends, models], Rostov-na-Don, 236 p. (In Russ.)
26. Romanenko, A. A. 2005, Seaports, transport fleet and shipbuilding in Russia. In: *Morekhozyaystvennyy kompleks Rossii* [Seaports, transport fleet and shipbuilding Russia], St. Petersburg, p. 24—70. (In Russ.)

27. Treyvish, A.I. 2009, *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, region, country and the world. The development of Russia through the eyes of stranoveda], Moscow, 372 p. (In Russ.)
28. Druzhinin, A.G., Kolosov, V.A., Shuvalov, V.E. (ex. eds.) 2012, *Prostranstvo sovremennoy Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitiya (razmyshleniya geografov-obshchestvovedov)* [The space of modern Russia: opportunities and barriers (reflection of sociogeographers scientists)], Moscow, 336 p. (In Russ.)
29. Druzhinin, A.G. 2014, Metropolitan and metropolization in modern Russia: conceptual approaches to political and geographical context, *Izvestiya RAS. Seriya Geograficheskaya*, no. 1, p. 19—27. (In Russ.)
30. Famoso, N. 1995, Sicily: a dialectic between coastal and inland areas. In: Cortesi, G. (ed.) *Urban change and the environment. The case of North-western Mediterranean*, Guerini, Milano, p. 269—294.
31. Druzhinin, A.G. 2016, Russia's Coastal Zone as a Social and Geographic Phenomenon: Conceptualisation and Delimitation, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 2, p. 57—67. DOI: 10.5922/2079—8555—2016—2—5.
32. Pilyasov, A.N. 2016, Cities-bases of the Arctic frontier. In: Kotlyakov, V.M., Streletsky, V.N., Glezer, O.B., Safronov, S.G. (ex. eds.) *Voprosy geografii*, no. 141. Problemy regional'nogo razvitiya Rossii, Moscow, p. 503—528. (In Russ.)
33. Baklanov, P. Ya. (ex. ed.) 2012, *Tikhookeanskaya Rossii: stranitsy proshlogo, nastoyashchego, budushchego* [Pacific Russia: the pages of the past, present, future], Vladivostok, 406 p. (In Russ.)
34. Druzhinin, A.G. (ed.) 2017, *Transgranichnoe klasteroobrazovanie v primorskikh zonakh Evropeyskoy chasti Rossii: faktory, modeli, ekonomicheskie i ekisticheskie efekty* [Cross-border clustering in the Coastal zones of the European part of Russia: factors, model, the economic effects], Rostov-on-Don, 346 p. (In Russ.)
35. Druzhinin, A.G., Lachininskiy, S.S., Krasnov, A.I., Sorokin, I.S. 2016, The polarization of the settlement system in the coastal zone of the Leningrad region in 1989—2015, *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Estestvennyye nauki*, no. 3, p. 58—65. (In Russ.)
36. Bezrukov, L.A. 2008, *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in the international and regional development], Novosibirsk, 369 p. (In Russ.)
37. Druzhinin, A.G. 2016, "Sea factor" in modern Russian economy (a social-geographer's view), *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, no. 2, p. 16—26. (In Russ.)
38. Strategy of social and economic development of the Murmansk region until 2025, 2010, Murmansk, available at: http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_169.pdf (accessed 07.01.2017). (In Russ.)
39. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2030, 2013, Moscow, available at: <http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (accessed 07.01.2017). (In Russ.)

The author

Prof. *Aleksandr G. Druzhinin*, Director of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

To cite this article:

Druzhinin, A.G. 2017, The Coastalisation of Population in Today's Russia: A Socio-Geographical Explication, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 28—43. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-2.